

ФЕНОМЕН ФОНЕТИЧЕСКОЙ МИМИКРИИ В АНГЛИЙСКИХ НЕОСЛЕНГИЗМАХ НАЧАЛА ХХІ ВЕКА

Статья посвящена проблеме идентификации и анализа явления фонетической мимикрии в неологизмах английского сленга начала ХХІ века. Разрабатывается классификация единиц, образованных путем фонетической мимикрии, по признаку их монореферентной либо полиреферентной природы. Уточняются языковые уровни, которые охватывает феномен фонетической мимикрии.

Ключевые слова: фонетическая мимикрия, деапеллятивные ремотивантные декомпозиции, отонимные ремотивантные декомпозиции, неосленгизм.

Борис Д. П. Феномен фонетичної мімікрії в англійських неосленгізмах початку ХХІ століття. – Стаття.

Статтю присвячено проблемі ідентифікації та аналізу явища фонетичної мімікрії в неологізмах англійського сленгу початку ХХІ століття. Розроблено класифікацію одиниць, утворених шляхом фонетичної мімікрії, за ознакою їх монореферентної або поліреферентної природи. Уточнено мовні рівні, які охоплює феномен фонетичної мімікрії.

Ключові слова: фонетична мімікрія, відапеллятивні ремотивантні декомпозиції, відонімні ремотивантні декомпозиції, неосленгізм.

Borys D. P. The phenomenon of phonetic mimicry in English slang neologisms of the early twenty-first century. – Article.

The article investigates the problem of identifying and analyzing the phenomenon of phonetic mimicry in the neologisms coined in English slang in the early twenty-first century. Based on the number of referents involved, a classification of slang neologisms formed by remotivational decomposition is elaborated. The language levels that phonetic mimicry is compatible with are established.

Key words: phonetic mimicry, deappellative remotivational decomposites, deonymic remotivational decomposites, slang neologism.

Постановка проблемы. Стремительное развитие английского лексикона во второй половине ХХ – начале ХХІ века обуславливает появление новых и актуализацию уже существующих способов словообразования. Наряду с традиционно продуктивными словосложением, аффиксацией, конверсией, инициальной аббревиацией или телескопией английский словарь пополняется за счет апеллятивации, голофразиса, графикации, дезаббревиации, метатезы, обратного словообразования, онимизации, протезы, трансонимизации, фонетической мимикрии, эллипсиса. Одним из самых молодых и пока малоисследованных способов словообразования является фонетическая мимикрия.

Анализ последних исследований и публикаций. Языковой феномен фонетической мимикрии упоминается в работах Т. Зайковской [3; 4], В. Химики [9], Л. Ставицкой [8], Д. Благоевой [1], Е. Прокутиной [7], А. Липатова [5], Е. Мариновой [6], А. Елистратова [2] и других ученых. Труды названных авторов содержат теоретическое обоснование природы этого явления, разработку методологии идентификации и исследования фонетической мимикрии (прием ремотивантной декомпозиции), а также попытку классификации единиц, образованных посредством ремотивантной декомпозиции. В то же время пока отсутствуют работы, посвященные исследованию фонетической мимикрии в неологизмах английского сленга начала ХХІ века. Кроме того, нерешенной проблемой остается типологизация единиц, образованных с помощью собственно фонетической мимикрии, поскольку разработанная А. Елистратовым классификация ремотивантных декомпозиций включает также дезаббревиатуры.

Цель статьи заключается в теоретическом анализе явления фонетической мимикрии в неологизмах английского сленга начала ХХІ века.

Ее достижение предполагает решение следующих задач:

- уточнения источников происхождения единиц, образованных посредством фонетической мимикрии;
- классификации неосленгизмов, образованных посредством данного способа словообразования;
- описания языковых уровней, охватывающих это явление.

Материалом для исследования послужили неосленгизмы начала ХХІ века, извлеченные путем сплошной выборки из толковых словарей английского сленга под редакцией Т. Делзелла и Т. Виктора «The Concise New Partridge Dictionary of Slang and Unconventional English» и «Vice Slang».

Изложение основного материала исследования. В основе феномена фонетической мимикрии лежит **прием ремотивантной декомпозиции**, при котором стандартная структура слова или словосочетания разрушается с последующим его переосмыслением, нередко с участием преднамеренной языковой игры [2, с. 27]. Помимо фонетической мимикрии, прием ремотивантной декомпозиции также активно используется при создании дезаббревиатур (наподобие иронического пейоративного неосленгизма *queer and nasty, try another service* «австралийская авиакомпания *Qantas Airways Limited*»). Следовательно, единицы, образованные с помощью фонетической мимикрии и дезаббревиации, называются ремотивантными декомпозициями.

Фонетическую мимирию принято рассматривать как «звуковое уподобление слова или его видоизмененного варианта к другому слову» [3, с. 41]. В. Химик закономерно связывает природу этого феномена с фонетическими ассоциациями, предлагая альтернативный термин – **ассоциативно-фонетическая мимирия** [9, с. 125]. В результате фонетической мимирии уже известные слова подвергаются омонимизации благодаря полному или частичному формальному сходству с ремотивантом, который, в свою очередь, детерминирует семантику новосозданной единицы-субститута. Именно поэтому в плане формы субститут мотивируется исходным словом (фонетическая мотивация), а в плане содержания – ремотивантом (семантическая мотивация). В то же время семантическая связь между исходным словом и ремотивантом, а также субститутом отсутствует. Так, например, биномиал *stocks and bonds* «акции и облигации» и его омоним-неосленгизм *stocks and bonds* «бондаж» различаются семантически при их абсолютном формальном тождестве. Механизм развития значения «бондаж» становится понятным при реконструкции ремотиванта, которым выступает в данном случае *bond*¹ как элемент лексемы *bondage* «бондаж». Следовательно, формально неосленгизм *stocks and bonds* «бондаж» мотивируется экономическим термином-биномиалом *stocks and bonds* «акции и облигации» (при помощи ремотиванта *bond*), а семантически – единицей сексуального сленга *bondage* «бондаж».

Некоторые ученые склонны рассматривать феномен фонетической мимирии с позиций теории заимствования, определяя его как один из способов формальной адаптации иностранного слова в некодифицированных сферах языка, который предусматривает закрепление значения слова-этимона за имеющимся в языке-реципиенте словом, выбранным говорящими по принципу звукового сходства со словом-этимомом [6, с. 198]. Однако фонетическая мимирия не ограничивается заимствованиями, хотя в русском [4, с. 99; 7, с. 125–126; 5, с. 136], украинском [8, с. 237, 325] или болгарском [1, с. 11] языках многие субституты на самом деле имеют иноязычное происхождение. Среди английских неосленгизмов XXI века только очень незначительная часть заимствованных единиц претерпевают ремотивантную декомпозицию, например: номены *El Cid* и *Uncle Sid* «ЛСД» (от созвучного имени испанского героя реконкисты Сиды Кампеадора), *Hera* «героин» (от созвучного имени греческой богини Геры), а также фраза *date with DiPalma* «мужская мастурбация» (итальянская фамилия *DiPalma* созвучна с английским *palm* «ладонь», отсюда буквальное

значение неофраземы «свидание с Долонитой/донной Ладоньей»). Преобладающее же большинство английских ремотивантных декомпозитивов составляют либо исконные единицы (например, *greenhouse* «притон для курения марихуаны», *madman* «наркотик MDMA», *smackeroonie* «фунт стерлингов»), либо уже давно ассимилированные заимствования (например, *dragon* «трансвестит; травести-дива», *partner* «автомобиль марки Audi», *vitamin D* «декстрометорфан»).

Ввиду монореферентной либо полиреферентной природы субститутов-неосленгизмов целесообразно выделить 2 группы ремотивантных декомпозитивов:

отопелятивные ремотивантные декомпозитивы, в которых субститут структурно совпадает с нарицательным именем (*grasshopper* «марихуана», *partner* «автомобиль марки Audi», *smackeroonie* «фунт стерлингов»);

отонимные ремотивантные декомпозитивы, в которых субститут структурно совпадает с собственным именем (*Bright's disease* «вино марки Bright's», *Henry IV* «вирус иммунодефицита человека», *Yonge and Eligible* «Янг-энд-Эглинтон (район Торонто)»).

Дальнейший анализ отопелятивных (1) и отонимных (2) ремотивантных декомпозитивов в ономазиологическом плане позволяет установить, как исследуемые единицы распределяются по тематическим группам. Наиболее широко в английских сленгономах начала XXI века представлен **сленг наркоманов**, который содержит 38 номем для обозначения таких явлений:

наркотических веществ: (1) *animal* «амил-нитрат» (← *amyl nitrate* «амил-нитрат»), *bazooka* «дешевый курительный кокаин» (← *basuco* «кокаин»), *cat tranquillizer* «кетамин» (← *ketamine* «кетамин»), *cocktail* «кокаин» (← *cocaine* «кокаин»), *cryptonie* «марихуана» (← *crippie* «марихуана»), *good horse* «героин» (← *horse* ← *heroin* «героин»), *grasshopper* «марихуана» (← *grass* «марихуана»), *green paint* «марихуана» (← *green* «марихуана»), *happy meal* «смесь стимуляторов и депрессантов» (← *happy* «подвыпивший»), *horse bite* «героин» (← *horse* ← *heroin* «героин»), *madman* «MDMA» (← *MDMA* «MDMA»), *madwoman* «MDEA» (← *mad+man* ← *madman* «MDMA»), *vitamin D* «декстрометорфан» (← *dextromethorphan* «декстрометорфан»), *vitamin G* «габапентин» (← *gabapentin* «габапентин»), *vitamin N* «никотин; сигарета» (← *nicotine* «никотин»), *vodka acid* «ЛСД» (← *acid* ← *LSD* «ЛСД»), *white goods* «кокаин» (← *white* «кокаин»), *white horse* «героин» (← *horse* ← *heroin* «героин»); (2) *Coco the Clown* «кокаин» (← *co-co* «кокаин»), *El Cid* «ЛСД» (← *LSD* «ЛСД»), *Ellis Day* «ЛСД» (← *LSD* «ЛСД»),

¹ Здесь и далее в статье ремотиванты в составе исходных единиц будут подчеркиваться.

elvis «ЛСД» (← *LSD* «ЛСД»), *great white whale* «кокаин» (← *white* «кокаин»), *H bomb* «наркотическая смесь героина и MDMA» (← *heroin* «героин»), *Hera* «героин» (← *heroin* «героин»), *Marvin K* «наркотическая смесь MDMA и кетамина в соотношении 2:1» (← *ketamine* «кетамин»), *Rose Marie* «марихуана» (← *Rosa Maria* «марихуана»), *Uncle C* «кокаин» (← *Charlie* «кокаин»), *Uncle Charlie* «кокаин» (← *Charlie* «кокаин»), *Uncle Sid* «ЛСД» (← *LSD* «ЛСД»);

партий наркотических веществ: (1) *macaroni and cheese* «доза марихуаны стоимостью 5 долларов и доза кокаина стоимостью 10 долларов» (← *cheese* «кокаин»); (2) *wizzard (of oz)* «унция марихуаны» (← *wizard of oz* ← *oz* «унция»);

физиологических последствий употребления наркотических веществ: (1) *white knight* «ночь, проведенная в состоянии наркотического опьянения после употребления кокаина» (← *white night* ← *white* «кокаин»);

лиц, употребляющих наркотические вещества: (2) *space cadet* «наркоман» (← *spaced* «пребывающий в состоянии наркотического опьянения»);

лиц, торгующих наркотическими веществами: (1) *balloon* «наркодилер, торгующий героином» (← *ball* «героин»);

мест, связанных с торговлей, хранением и употреблением наркотических веществ: (1) *greenhouse* «притон для курения марихуаны» (← *green* «марихуана»), *slaughterhouse* «нелегальный склад наркотиков» (← *slaughter* «склад ворованного»); (2) *pottsville* «марихуановый рай» (← *pot* «марихуана»).

Второе место по количеству зафиксированных сленгизмов занимает **сексуальный сленг**, представленный 11 единицами для обозначения таких явлений:

разновидностей полового акта: (1) *a-levels* «анальный секс» (← *anal sex* «анальный секс»); (2) *Agent Scully* «оральный секс» (← *skull* «оральный секс»);

частей тела, задействованных в половом акте: (1) *astronaut* «ягодицы; анус» (← *ass* «ягодицы»), *mud flaps* «очертания женских гениталий, подчеркнутые чрезмерно узким бельем/купальником» (← *flaps* «половые губы»), *pencil sharpener* «женский половой орган» (← *pencil* «половой член»); (2) *Richard* «половой член» (← *Dick* = *Richard* ← *dick* «половой член»), *Saint Peter* «половой член» (← *peter* «половой член»), *Wilfred* «половой член» (← *Willy* = *Wilfred* ← *willy* «половой член»);

сексуальной ориентации: (1) *dragon* «трансвестит; травести-дива» (← *drag* «трансвестит; травести-дива»), *lebanese* «лесбиянка» (← *lesbian* «лесбиянка»);

сексуальных переживаний: (1) *sperm wail* «крик во время оргазма (у мужчины)» (← *sperm*

whale «кашалот» ← *whale* «кит» ← *wail* «вой»).

Третье место по количеству сленгоименов занимает **общий сленг**, содержащий 8 номенов: (1) *smackeroonie* «фунт стерлингов» (← *smacker* «фунт стерлингов»), *walkie-talkie* «здоровый/трудоспособный человек» (← *walk* «ходить» + *talk* «разговаривать»); (2) *ajax* «расположенный неподалеку/ по соседству» (← *adjacent* «смежный»), *barley mo'* «момент» (← *moment* «момент»), *Bright's disease* «вино марки Brights» (← *Brights wine* «вино марки Brights»), *stealth bomber* «лагер марки Stella Artois» (← *Stella Artois* «пиво марки Stella Artois»), *Oliver (Twist!)* [грубое восклицание, которое сопровождает жест «средний палец»] (← *Twist!* [грубое восклицание, которое сопровождает жест «средний палец»]), *Yonge and Eligible* «Янг-энд-Эгlington (район Торонто)» (← *young and eligible* ~ *Yonge and Eglinton* «Янг-энд-Эгlington (район Торонто)»).

Помимо трех перечисленных разновидностей сленга, зафиксировано также примеры **сленга автомобилистов** ((1) *onion* «автомобиль модели Ford Orion» (← (Ford) *Orion* «автомобиль модели Ford Orion»), *partner* «автомобиль марки Audi» (← *howdy, partner* ← *Audi* «автомобиль марки Audi»)), **тюремного сленга** ((1) *high five* «вирус иммунодефицита человека» (← *HI+V* ← *HIV* «вирус иммунодефицита человека»); (2) *Henry IV* «вирус иммунодефицита человека» (← *H+IV* ← *HIV* «вирус иммунодефицита человека»)), **военного сленга** ((1) *corpse* «капрал» (← *corporal* «капрал»)), **компьютерного сленга** ((1) *mousetrap* «серия гиперссылок на сайте, после нажатия на которые пользователь возвращается назад на сайт (вместо перехода на другой, указанный в гиперссылке адрес)» (← *mouse* «мышь (компьютерная)»)) и **медицинского сленга** ((1) *whopper with cheese* «пациентка, страдающая от ожирения и молочницы» (← *whopping* «огромный»)).

Анализ приведенных неосленгизмов свидетельствует о том, что в результате фонетической мимикрии существовавшее ранее значение не просто приобретает новую форму, а в ряде случаев имеет место также семантический сдвиг, который сопровождается изменением, в особенности усложнением, объема понятия. Например: *adjacent* «смежный» → *ajax* «расположенный неподалеку/ по соседству»; *ball* «героин» → *balloon* «наркодилер, торгующий героином»; *cheese* «кокаин» → *macaroni and cheese* «доза марихуаны стоимостью 5 долларов и доза кокаина стоимостью 10 долларов»; *flaps* «половые губы» → *mud flaps* «очертания женских гениталий, подчеркнутые чрезмерно узким бельем/купальником»; *green* «марихуана» → *greenhouse* «притон для курения марихуаны»; *happy* «подвыпивший» → *happy meal* «смесь стимуляторов и депрессантов»; *heroin* «героин» → *H bomb* «наркотическая смесь героина и MDMA»;

ketamine «кетамин» → *Marvin K* «наркотическая смесь MDMA и кетамина в соотношении 2:1»; *madman* «MDMA» → *madwoman* «MDEA»; *mouse* «мышь (компьютерная)» → *mousetrap* «серия гиперссылок на сайте, нажатие на которые возвращает пользователя назад на сайт (вместо перехода на другой, указанный в гиперссылке адрес)»; *pencil* «половой член» → *pencil sharpener* «женский половой орган»; *pot* «марихуана» → *pottsville* «марихуановый рай»; *slaughter* «склад ворованного» → *slaughterhouse* «нелегальный склад наркотиков»; *spaced* «пребывающий в состоянии наркотического опьянения» → *space cadet* «наркоман»; *white* «кокаин» → *white knight* «ночь, проведенная в состоянии наркотического опьянения после употребления кокаина».

Кроме единиц лексического уровня, на котором фонетическая мимикрия представлена наиболее обширно, мы зафиксировали несколько примеров ремотивантных декомпозиций в неолексиконе английского языка начала XXI века. К последним можно отнести неолексизмы *date with DiPalma* «мужская мастурбация», *give Mr Winky an oral report* «совершать минет», *Patsy Palmer and her five daughters* «рука (в контексте мужской мастурбации)», *Spanish archer* «отказ», а также проанализированный выше биномиал *stocks and bonds* «бондаж». Реконструкция ремотивантов в первых трех выражениях не вызывает трудностей: для *date with DiPalma* и *Patsy Palmer and her five daughters* ремотивантом является *palm* «ладонь», а для *give Mr Winky an oral report* – персонифицированный онимизированный *winky* «половой член» и *oral* «(о сексе) оральный». Что касается неолексизма *Spanish archer*, то эта единица не поддается непосредственному ремотивационному анализу, поскольку ее образование происходило в два этапа. На первом этапе английское *elbow* «отказ» мимикрировалось под испанское псевдозаимствование *El Bow* (по аналогии с псевдозаимствованиями *El D*, *El Dog*, *El Ropo*, *El Smoggo*, *El Stinko*). На втором этапе полученная единица трансформировалась в перифраз *Spanish archer* «испанский лучник». Компонент *Spanish* семантически связан с инициальной частицей *el* (опре-

деленный артикль испанских существительных мужского рода), тогда как английское *bow*, означающее «лук», при образовании перифразистического неолексизма претерпело метонимизацию «лук» → «лучник».

Выводы. Таким образом, феномен фонетической мимикрии предполагает обязательное наличие фонетической мотивации между исходной единицей и новообразованным субститутутом при полном отсутствии семантической связи. Реконструкция последней достигается путем использования приема ремотивантной декомпозиции, которая предусматривает выделение в исходных лексеме или фраземе ремотиванта, по форме совпадающего с целой лексемой, ее фрагментом (также именуемым фракто-лексемой [12]) или даже первым звуком основы. Собранные примеры английских неолексизмов начала XXI века (суммарно 61 единица) указывают на нецелесообразность ограничения понятия «фонетическая мимикрия» теорией заимствования, поскольку этот феномен включает в себя также исконные единицы. Напротив, проанализированный материал свидетельствует о существенном преобладании исконных английских единиц над заимствованными. Разделение ремотивантных декомпозиций на отапельлятивные и отонимные лежит в основе разработанной нами классификации по признаку монореферентности/полиреферентности. В ономазиологическом плане наиболее обширно представлены сленг наркоманов (38 единиц), сексуальный сленг (11 единиц) и общий сленг (8 единиц). Помимо этого, отмечены по два примера сленга автомобилистов и тюремного сленга, по одному – военного, компьютерного и медицинского сленга. Среди языковых уровней, на которые распространяется явление фонетической мимикрии, стоит отметить лексический и фразеологический, представленные соответственно 56 и 5 единицами.

Перспектива дальнейших исследований связана с идентификацией и изучением фонетической мимикрии в других некодифицированных сферах английского языка. Совершенно неразработанной проблемой является сопоставительный анализ единиц, образованных за счет фонетической мимикрии, на материале разных языков.

Литература

1. Благоева Д. Прояви на езикова игра в българския и руския компютърен жаргон / Д. Благоева // Съпоставително езиковедение. – 2006. – Кн. 2. – С. 5–13.
2. Елистратов А. Ремотивантные декомпозиции в английском молодежном сленге / А. Елистратов // Вестник Челябинского государственного университета. – 2014. – Вып. 89 : Филология. Искусствоведение. – № 7(336). – С. 27–30.
3. Зайковская Т. Молодежный жаргон. Можно мозжечокнуть? Сабо самой! / Т. Зайковская // Русская речь. – 1993. – № 6. – С. 40–43.
4. Зайковская Т. Проблемы культуры молодежной речи: пути пополнения словарного состава молодежного жаргона / Т. Зайковская. – Кишинев : Business-Elita, 2005. – 211 с.
5. Липатов А. Сленг как проблема социолектики : [монография] / А. Липатов. – М. : ООО «Изд-во «Элпис», 2010. – 318 с.
6. Маринова Е. Теория заимствования в основных понятиях и терминах : [словарь-справочник] / Е. Маринова. – 2-е изд., стер. – М. : ФЛИНТА, 2014. – 240 с.

7. Прокутина Е. Языковая игра как способ образования нестандартной лексики русского языка на базе английских заимствований / Е. Прокутина // Вестник Челябинского государственного университета. – 2009. – Вып. 41 : Филология. Искусствоведение. – № 7(188). – С. 123–127.
8. Ставицька Л. Арго, жаргон, сленг: соціальна диференціація української мови / Л. Ставицька. – К. : Критика, 2005. – 464 с.
9. Химик В. Поэтика низкого, или просторечие как культурный феномен / В. Химик. – СПб. : Филол. фак-т СПбГУ, 2000. – 272 с.
10. Dalzell T. The Concise New Partridge Dictionary of Slang and Unconventional English / T. Dalzell, T. Victor. – London : Routledge, 2008. – 721 p.
11. Dalzell T. Vice Slang / T. Dalzell, T. Victor. – London : Routledge, 2008. – 206 p.
12. Renner V. Predicting Stress Assignment in Lexical Blends: The Case of English and Serbian / V. Renner, G. Lalić-Krstin // ELLSIIR International Conference (Belgrade, Serbia, 2009). – 2009. – Vol. 1. – P. 265–273.

УДК 811.112.2'342.415

Глущенко О. В.

ФУНКЦІОНУВАННЯ СЕРЕДНЬОВЕРХНЬОНІМЕЦЬКИХ ДИФТОНГІВ НА ПРИКЛАДІ ТВОРУ «DAS NIBELUNGENLIED» («ПІСНЯ ПРО НІБЕЛУНГІВ»)

Статтю присвячено дослідженню й виявленню середньовірхньонімецьких дифтонгів та їх функціонуванню на матеріалі середньовірхньонімецького твору «Пісня про Нібелунгів». У роботі аналізуються якісні й кількісні характеристики дифтонгів за цим твором та частотність їх вживання у відсотковому співвідношенні.

Ключові слова: дифтонг, фонема, редукція, монофтонгізація, дифтонгізація.

Глущенко Е. В. Функционирование средневерхненемецких дифтонгов на примере произведения «Das Nibelungenlied» («Песнь о Нибелунгах»). – Статья.

Статья посвящена исследованию и определению средневерхненемецких дифтонгов и их функционированию на материале средневерхненемецкого текста «Песнь о Нибелунгах». В работе анализируются количественные и качественные характеристики дифтонгов по данному тексту и частотность их употребления в процентном соотношении.

Ключевые слова: дифтонг, фонема, редукция, монофтонгизация, дифтонгизация.

Glushchenko O. V. The functioning of the Middle High German diphthongs by the example of the work “The Song of the Nibelungs”. – Article.

The given article deals with the investigation and determination of the Middle High German diphthongs and their functioning on the material of the Middle High German poem “The Song of the Nibelungs”. The quantitative and qualitative characteristics of diphthongs based on this text and the frequency of the use of diphthongs as a percentage are being analyzed in the article.

Key words: diphthong, phoneme, reduction, monofthongization, diphthongization.

Сучасний період розвитку діяхронічних досліджень у галузі германістики відзначається стрімкою появою низки робіт, спрямованих на вивчення мови писемних пам'яток або на виявлення функціонування окремих тематичних лексичних груп [1; 2; 4; 9]. Обидва напрями орієнтуються на побудову такої лінгвістичної теорії, яка могла б пояснити мовні зміни більш вдало, на відміну від синхронічних теорій структурного мовознавства.

Метою дослідження є визначення середньовірхньонімецьких дифтонгів та їх функціонування на матеріалі середньовірхньонімецького твору «Пісня про Нібелунгів».

Одним зі спірних і складних питань у лінгвістиці загалом і в германській філології зокрема на сьогодні є визначення голосних сполук, а саме дифтонгів. Ці складні звуки мають специфічні особливості, які саме визначають їх особливий статус у фонетико-фонологічній системі.

Різні погляди із цього приводу привели до появи великої кількості досліджень за цією темою як вітчизняних, так і іноземних лінгвістів. Угорський фонетист Ю. Лазиціум зазначив: «Навряд чи є ще

таке питання, у якому так розійшлися думки фонетистів, як у питанні щодо дифтонгів» [5, с. 148].

Дослідження дифтонгів, проведені згаданими вченими на фонематичному й фонетичному рівнях, не визначили повною мірою статус дифтонга. Деякі лінгвісти вважали, що це питання пов'язане з вивченням динаміки змін і розвитку таких одиниць у діяхронічному аспекті. Так, Ф. де Соссюр вказував: «Кожний момент мовлення є діяльністю припускає і встановлену систему, і еволюцію; у будь-яку хвилину мова є живою діяльністю та продуктом минулого» [3, с. 34].

Дослідження особливостей розвитку мови, реалізація й функціонування її одиниць, а також наявність факторів, які впливають на їх розвиток, належать до монументальних положень історичного мовознавства. Подібні зміни відбуваються на фонетичному та фонологічному рівнях.

В.М. Жирмунський свого часу зазначив, що основною метою порівняльно-історичного дослідження варто вважати не реконструкцію гіпотетичної моделі «прамови», а виявлення внутрішніх закономірностей розвитку мови. У процесі всьо-